

О. Рубинчик
Санкт-Петербург

«Наш Арканзончик». Об Аркадии Андреевиче Мухине

Фигура Аркадия Андреевича Мухина заслонена для специалистов ярким образом его жены – Екатерины Максимовны Мухиной. Очевидно, что Екатерина Максимовна была поэту намного ближе, чем ее муж, однако утверждение А. А. Ахматовой (в записи П. Н. Лукницкого): «Известно, что для Анненского существовала именно Екатерина Максимовна, и совершенно посторонним человеком ему представлялся Аркадий Андреевич Мухин»,¹ – все же несправедливо.

Мухин, по его собственным словам, «имел счастье быть сотрудником» Анненского в Николаевской гимназии. В некрологе Анненскому Мухин охарактеризовал его так: «Обладая необыкновенным даром слова, идеалистически настроенный, до мелочей, до тонкости знающий европейскую и русскую литературу, – он был кумиром своих учеников и учениц. Тем более что к данным внутренним присоединялись и блестящие внешние данные: одухотворенно-красивая наружность и чарующее благородство в обращении. <...> Как в педагоге, мы ценили в Иннокентии Федоровиче одно его незаменимое качество: он давал полную свободу индивидуальным склонностям каждого преподавателя в его деле, так как, по его собственным словам, таким образом, последний легче всего может и сам развиваться, и ученикам принести пользу. Как принцип, – может быть, это и опасно. Но в нашей семье, у большинства, по крайней мере, от этого дело только выигрывало: к любимому вопросу или отделу курса относишься при этой свободе еще с большею любовью и, при известной добросовестности, поднимаешь интерес в учениках гораздо больший, чем при одном формальном исполнении программ. Оттого <...> автор настоящей заметки делал попытки ознакомить их с историей нового искусства и т. д.»² В. И. Кривич подтверждал

в Мухине качество, которое тот связывал с руководством и влиянием Анненского, – творческую смелость в преподавании: «А. А. Мухин, В. И. Орлов, С. О. Цыбульский, проф. Варнеке, Р. О. Геппенер, проф. Митрофанов и др., – все это были люди широкого образования и передовых взглядов. В гимназическую науку вливались струи подлинных, не учебниковских знаний. Преподаватели эти часто далеко уходили за пределы гимназических программ».³

Мухин считал Анненского «одним из замечательнейших людей своего времени», высоко ценил его как поэта, переводчика и критика, писал о «Тихих песнях» и «Книгах отражений»: «К стыду русской публики, эти книги прошли незамеченными: автор был слишком изыскан, тонок и капризен для нее в своих стихах, а своеобразная попытка эстетической критики не могла быть по вкусу ей, привыкшей к элементарной простоте мысли и стиля русских “критиков”, по давней традиции заботившихся больше об исправлении и обличении общества по поводу произведений писателя, чем об оценке и определении их художественных достоинств».⁴

Позднее, по свидетельству Лукницкого, Мухин признавал, что и сам тогда в какой-то мере принадлежал к этой «публике»: «На экзамене Гумилева спросили о Пушкине: “Чем замечательна поэзия Пушкина?”. Гумилев невозмутимо ответил: “Кристалльностью”. <...> “Чтоб понять всю силу этого ответа, надо вспомнить, – говорил Мухин, – что мы, учителя, были совершенно чужды новой литературы, декадентству и т. д. Этот ответ ударил нас как обухом по голове. Все мы громко расхохотались! Теперь-то нам понятны такие термины, понятно, как верно определяет это слово поэзию Пушкина, но тогда!»⁵

Кривич в мемуарах об Анненском не раз упоминал Мухиных как «больших друзей отца»,⁶ писал об Аркадии Андреевиче в связи с его подарком, находившимся в кабинете Анненского, среди значимых для поэта вещей: «Как говорили, Евлалия Кадмина, когда-то известная харьковская артистка, покончившая с собою на сцене, была прообразом тургеневской Клары Милич; когда отец писал свою статью о Кларе Милич, он мечтал иметь портрет Кадминой, и один из сослуживцев-друзей его, А. А. Мухин, раздобыл где-то изображение покойной артистки, переснял его сам в увеличенном виде и подарил отцу».⁷ В 1902 году Анненский адресовал Мухину стихотворную надпись на «Сочинениях» А. Н. Островского:

Не самодуров и не тлю
Москвы мильонно-колокольной,
Я горький смех его люблю
И крик отчаянья <невольный>.⁸

Мухину и его жене совместно адресовано письмо Анненского от 16 сентября 1904 года.⁹ Остальные письма обращены только к Екатерине Максимовне, но в ряде из них Мухин упоминается.

15 декабря 1909 года на заседании Общества классической филологии и педагогики Мухин прочел доклад Анненского «Таврическая жрица у Еврипида, Руччелаи и Гете», с которым поэт должен был выступить, но не выступил 30 ноября, в день своей смерти.

Личность самого Мухина до сих пор как-то вырисовывалась, главным образом, благодаря его замечательному тексту – некрологу Анненскому, а также разрозненным сведениям в работах анненсковедов. Проведенные разыскания позволяют заполнить некоторые (лишь некоторые) лакуны в его биографии. По-настоящему же объемный образ этого в высшей степени достойного педагога и человека возникает из устных воспоминаний его учеников (см. последующие материалы).

Аркадий Андреевич Мухин родился в 1867 году в Пермском крае, в поселении Юго-Кнауфский завод. Он происходил из крестьянской семьи,¹⁰ но, несмотря на это, сумел получить образование в Пермской гимназии.

Гимназия давала право на высшее образование, но едва ли крестьянскому сыну было легко это право реализовать. В Центральном историческом архиве Петербурга хранятся документы Императорского Санкт-Петербургского историко-филологического института, среди которых есть дело «О принятии в число студентов института Аркадия Мухина». Это дело дает внятное представление о Мухине-гимназисте и Мухине-студенте. Открывается оно документом, предназначенным директору института: рекомендацией инспектора классической Пермской гимназии, где сказано, что Мухин окончил эту гимназию в 1886–1887 учебном году с серебряной медалью. «В заключение, – пишет инспектор, – осмеливаюсь рекомендовать просителя за человека способного, развитого, довольно сведущего и безупречного в нравственном отношении».¹¹ Аттестат зрелости Мухина показывает, что в гимназии

он изучал древнегреческий, латынь и немецкий язык, в графе «Французский язык» стоит прочерк.¹² Из аттестата становится известно также, что отец Мухина числился к этому времени «канцелярским служащим». Сообщается и то, что Мухин был «единоверческого вероисповедания». Это означает принадлежность к старообрядцам, признавшим православие, пошедшим с ним на компромисс. Со своей стороны, Святейший Синод относился к единоверцам с большей терпимостью, чем к остальным старообрядцам. Все же в аттестате Мухина, полученном по окончании института, первоначальная запись: «единоверческого вероисповедания» – исправлена на «православного вероисповедания». Так, видимо, было лучше для его будущего. Означает ли это действительный переход в православие или просто равнодушие Мухина к вопросам веры, неясно. Как бы то ни было, воспитание в старообрядческой среде дает повод воспринимать некоторые личные свойства Мухина: трудолюбие, крепость духа и тела – отчасти как родовые. В числе документов, поступивших в институт из гимназии, есть заключение врача, в котором говорится, что выпускник, «от роду 19 лет <...> при крепком телосложении и правильном развитии, никакими болезнями, препятствующими к поступлению в Императорский историко-филологический институт, не страдает».¹³

Институт находился в том же здании, что и историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета (Университетская набережная, д. 11, там и сейчас расположен филфак университета). Готовили в институте учителей древних языков, русского языка и словесности, истории и географии для средних учебных заведений.¹⁴ Мухин был принят «в число штатных студентов» 8 июля 1887 года.¹⁵ На годы учебы по просьбе института ему дали «отсрочку исполнения воинской повинности»,¹⁶ однако по окончании учебного заведения на военную службу он призван не был – по-видимому, благодаря уже другому социальному статусу. Каждое лето Мухин подавал директору прошение об отпуске: для отъезда «к родителям моим, имеющим жительство в Мотовилихе (Пермской губернии и уезда) в собственном доме».¹⁷ В аттестате, выданном ему по окончании института, 7 июня 1891 года, шесть оценок «отлично», три – «очень хорошо», три – «хорошо». Преподававшиеся языки – греческий, латынь, церковнославянский, французский. Указано, что «Аркадий Андреевич

Мухин <...> двадцати трех лет отроду <...> окончил полный курс наук по разряду истории, географии и русской словесности <...> К преподаванию в гимназии успехи хорошие. <...> ему, Мухину, предоставляется звание учителя гимназии, дающее все права кандидатов университетов, с обязанностью прослужить в ведомстве Министерства народного просвещения не менее шести лет по назначению министра...».¹⁸ В аттестате сообщается, что поведение Мухина в годы учебы было отличное, но его «конduitный лист» в деле показывает, что он был не «паинькой», а нормальным живым молодым человеком:

«1889 г.

Янв. 13. Арестован с 9-ти ч. на три недели за то, что не приготовился к репетиции.

Января 21. За произведенный в столовой беспорядок сделан выговор г-м директором.

Мая 23. Арестован на два дня за шум в камере.

Июня 3. Курил в коридоре.

Декабря 23-го. Оpozдал на 20 мин.»¹⁹

Дальше «конduitный лист» оборван, так что можно только предполагать, что еще ставилось Аркадию Андреевичу в вину.

Из «Памятных книжек» института, время от времени выпускавшихся и содержащих сведения обо всех выпускниках, известно, что в 1891 году Мухин сотрудничал в историко-литературном журнале «Исторический вестник»: он выпустил статью «Преемник Белинского. Из истории русской критики» и несколько рецензий²⁰ под псевдонимом «Ар. М.», что указано Масановым.²¹ На этом сотрудничество в периодике, по-видимому, прекратилось: все время занимала преподавательская работа.

Хотя выпускники института получали распределение не только в петербургские и окрестные учебные заведения, а по всей стране – туда, где были вакансии, Мухина направили в Царскосельскую Николаевскую гимназию.²² Директор гимназии Лев Александрович Георгиевский 16 сентября 1891 года писал директору института Константину Васильевичу Кедрову: «...Аркадий Мухин, предложением г. управляющего Санкт-Петербургским учебным округом <...> назначен во вверенную мне гимназию сверхштатным преподавателем древних языков с 1-го сего сентября».²³

В справочнике «Весь Петербург» на 1896 год впервые появляется имя и место службы Мухина, а также его адрес: Царское Село, Жуково-Волынская улица, дом Жуково-Волынской.²⁴ В дальнейшем по этому справочнику и его продолжениям «Весь Петроград», «Весь Ленинград» более-менее можно проследить служебный путь и смену адресов Мухина. Так, в 1897 году указывается, что он – коллежский асессор,²⁵ а к 1899 году он становится надворным советником; в этом же году указан тот адрес, который останется на все время пребывания Мухиных в Царском Селе: улица Малая, дом Сергеева.²⁶

С 1896 года Мухин работал уже под началом Анненского; Анненский часто бывал у Мухиных в двухэтажном деревянном доме № 42, принадлежавшем С. С. Сергееву.²⁷ В книге «Сведения об Императорской Николаевской гимназии в Царском Селе» за 1898–1899 учебный год указано: «Аркадий Андреевич Мухин, надворный советник, преподает русский, латинский, греческий языки и логику, состоит секретарем педагогического совета и воспитателем при пансионе».²⁸

К 1903 году Мухин становится коллежским советником,²⁹ а к 1905 году – статским советником.³⁰ Это последний год его службы в Царскосельской гимназии: революционные события снимают со своего места не только Анненского.

5 января 1906 года Мухин, еще оставаясь в должности преподавателя Николаевской гимназии, принимает дела у директора Санкт-Петербургской (затем Петроградской) 4-й гимназии, известной под названием Ларинской.³¹ Это и многое другое можно установить благодаря фонду «Петроградская Ларинская гимназия» в ЦГИА. Мухин – исполняющий обязанности директора, а с 3 февраля – директор этой гимназии.³²

Ларинская гимназия находилась по адресу: 6-я линия Васильевского острова, д. 15. Она включала комплекс зданий со стороны улицы и во дворе; в выходящем парадным фасадом на 6-ю линию трехэтажном здании шли занятия, в примыкающем к нему полутрехэтажном располагалась квартира директора, где многократно бывал Анненский (эти дома, близ Андреевского собора, сохранились).

Назначение Мухина директором было, по-видимому, не столько лестным повышением по службе, сколько серьезным испытанием: революционные волнения в стране повлекли беспорядки и среди гимназистов. Священник и писатель К. М. Аггеев писал в феврале

и марте 1906 года своим соратникам: «Перешел я на должность законоучителя самой “буйной” *Ларинской* и настоятелем гимназической церкви. <...> Чувствую себя на новом месте отлично. <...> У меня церковь открытая для посторонней публики, и при ней развита приходская жизнь».³³ Можно предположить, что Аггеев чувствовал себя «отлично» отчасти и благодаря новому директору.

В 1909–1914 годах в Ларинской гимназии учился будущий «серапионов брат» М. Л. Слонимский (окончил ее с серебряной медалью).³⁴ Вспоминая учебу мельком и без любви, он, однако, отмечает: «Мне повезло с русской литературой, директор гимназии А. А. Мухин в свободные уроки (когда учитель заболел) приходил и читал нам (превосходно) классиков».³⁵

К 1909 году Мухин является не только директором и председателем Хозяйственного комитета гимназии, но председателем Общества вспомоществования нуждающимся ученикам Ларинской гимназии.³⁶ К 1912 году он к тому же председатель Педагогического совета женской гимназии Шаффе³⁷ (5-я л. Васильевского острова, д. 16). К 1914 году Мухин уже действительный статский советник,³⁸ что соответствует генеральскому чину и дает право получения потомственного дворянства. Однако более-менее благополучные времена вот-вот закончатся: на пороге – Первая мировая война, а за ней – революции 1917 года.

Аркадий Андреевич оставался директором Ларинской гимназии до самого ее закрытия в 1918 году.³⁹ Написанный им многостраничный «Отчет по Петроградской Ларинской гимназии за 1917 г.», отосланный 1 апреля 1918 года Народному комиссариату по просвещению,⁴⁰ показывает, что под конец Мухин работал в невыносимых условиях, стараясь сохранить уровень гимназического обучения и воспитания. В это время он не только исполнял роль директора, председателя Педагогического совета и председателя Хозяйственного совета гимназии, но и давал уроки русского языка и географии; в 1917 году он дал 188 уроков, не пропустив ни одного.⁴¹ Приведу фрагменты из отчета, показывающие удивительное присутствие духа и ясность задач, которые ставил перед собой этот человек: «Помещения гимназии крайне тесные, ветхие, сырые и холодные. Несмотря на ежегодный ремонт, положение улучшается мало. Комиссия, образованная Министерством народного просвещения по ходатайству

Родительского комитета, признала здание негигиеничным и вредным для здоровья учащихся. Были высказаны пожелания о предоставлении нового помещения; таковым назначено здание б<ывшего> Ксенинского института, где явилась бы возможность открыть и второе учебное заведение.

В отчетном году произведен только крайне необходимый ремонт в виду сильной дороговизны. Ремонт произведен на сумму 7118 руб. 53 коп. и выразился в отделке актового зала, окраске панелей в классах и коридорах, поправке рам и печей (переложено две печи и исправлено три) и проч.

В отчетном году в гимназии было 10 классов <...>

При гимназии состоят: библиотеки (ученическая и фундаментальная), физический кабинет, естественно-исторический кабинет, гимнастический зал.

<...>

При гимназии состоял пансион, закрытый с начала учебного года; к 1 сентября 1917 г. в нем находилось 67 пансионеров.

В гимназии 1 директор, 1 инспектор, 3 законоучителя (1 православного, 1 римско-католического, 1 евангелического вероисповеданий), 24 преподавателя наук и языков и искусств, 9 прочих должностных лиц и 11 низших служителей.

Учебное дело в отчетном году шло, принимая во внимание чрезвычайные события русской жизни, вполне нормально. Лица педагогического персонала строго и неуклонно требовали от учеников выполнения школьной дисциплины, развивая в учениках честное отношение к делу. Переход от самодержавия к новому режиму прошел безболезненно; учащиеся относились с полным доверием и уважением к своим наставникам. <...> В числе выдающихся событий следует указать на выбор директора, инспектора, секретаря и библиотекаря.

<...>

В вопросе о закрытии храма Родительский комитет принял пожелание, чтобы таковой существовал при гимназии на прежних основаниях.

Педагогический Совет не нашел возможным оплачивать священнослужителей и содержать храм, а потому предоставил храму функционировать самостоятельно. <...>

В отчетном году г. г. преподавателями пропущен всего 391 урок, что составляет 5, 8 % всего числа, которое следовало дать по расписанию.

Пропущенные уроки замещались г. г. директором, инспектором, классными наставниками, по возможности, по той специальности, по которой отсутствовал преподаватель. Таких замещений было 141, т. е. замещено 36%.

Во второй половине учебного года в виду недостаточности питания учащихся были значительно сокращены уроки гимнастики, т<а-ким> о<бразом>, чтобы ученики более пяти часов занятий не имели.

К 1 января 1918 года учеников состояло 306. <...>

В отчетном году вновь принято 64, выбыло 182 ученика.

По малоуспеваемости увольнений не было. Значительное число выбыло вследствие разгрузки Петрограда, эвакуации родителей и другим причинам.

По окончании курса выбыло 30 учеников.

В отчетном году пропущено учащимися 33 090 уроков, что составляет в среднем на ученика 66 уроков.

Значительное число пропусков в первой половине учебного года, помимо политических событий, объясняется сильными морозами, а во второй, особенно в старших классах, стремлением учеников работать на стороне в помощь своим родителям.

Занятия прерывались в феврале на неделю и в октябре на три дня в виду политических событий, когда учащимся небезопасно было выходить на улицу.

<...>

По примеру прошлых лет велись занятия музыкой на духовых инструментах, обучалось 20 человек.⁴² Кроме того, по вечерам два раза в неделю ученики младших классов (I–IV) занимались под руководством одного из родителей (г. Смирнова) черчением. Г. Смирнов вел занятия безвозмездно. Посещали занятия от 10 до 30 человек.

Поведение учащихся в отчетном году можно признать вполне хорошим.

Ученики старших классов всемерно помогали Педагогическому совету в его трудной работе. В день первой революции из учеников старших классов была образована милиция для охраны внутреннего порядка. Были назначены и ночные дежурства. <...>

Следует указать на большое число опаздываний, которое, конечно, объясняется различными житейскими обстоятельствами: неисправность трамвая, дежурство по очередям, поздняя получка хлеба и проч.».

Отчет включает в себя летопись гимназии с января по конец декабря 1917 года. По ней ясно видно, как до Февральской революции в гимназии идет нормальная жизнь: работает исторический кружок, в котором гимназисты делают доклады, устраиваются вечеринки, преподаватели читают публичные лекции и т. д. Видно, и какие усилия предпринимаются, чтобы вернуться к этой жизни после ее разрушения:

«26 февраля. Занятия прерваны – 1-я революция; трамвайное сообщение прекращено.

6 марта. Начались занятия.

Г. директор обратился с речью к собравшимся ученикам, разъясняющей происшедшие события и призывая их к работе. <...>

12 апреля занятия закончены во всех классах. <...>

25 июля открылись при Ларинской гимназии вечерние курсы для матросов. <...>

1 сентября начало учебного года. <...>

22 сентября состоялась 1-я вечеринка учеников VII и VIII классов. Выступили ученики и преподаватели.

24 сентября открылся ученический клуб».

В клубе для младших проводились игры, чтение, хоровое пение, ручной труд; для старших были: библиотека, доклады, чтение произведений, литературное отделение, беседы на политические темы, вечеринки, одним из руководителей старшего отделения был Мухин.

«26 октября занятий не было – 2-я революция. <...>

2 ноября возобновление занятий.

27 декабря – “Детское утро”. Выступали ученики младшего возраста».

Этот отчет показывает черты сходства Мухина с Анненским – как с директором, в период волнений 1905 года делавшим все, чтобы защитить гимназию от вторжения властей и полиции, спасавшим даже тех, кто устроил ему «химическую обструкцию». Героическим образом Мухин старается обеспечить своим подопечным полноценную жизнь.

В конце отчета даны сведения о здоровье учащихся. Из них следует, что многие болели, но эпидемий не было и никто не умер.

В моих представлениях о деятельности Мухина после закрытия гимназии в 1918 году образуется лакуна по 1922 год. Дальше линия восстанавливается благодаря справочникам «Весь Петроград» и «Весь Ленинград».

В издании 1923 года Мухин числится как преподаватель; в справочнике впервые появляется Екатерина Максимовна Мухина, также названная преподавателем.⁴³ Сведения о ней в этом качестве даются в справочниках по 1931 год. Возможно, это означает, что она, в связи с финансовыми трудностями семьи, вынуждена была вернуться к преподаванию. Дальше ее имя исчезает. Домашний адрес у Мухиных новый: Васильевский остров, 12-я линия, д. 5. Он сохраняется все ближайшие годы.

В 1924–1925 годы Мухин – заведующий детским домом,⁴⁴ в 1926–1931 годах – заведующий школой.⁴⁵ Причем из справочника 1927 года можно узнать, что это школа № 213, на 12-й линии, д. 5.⁴⁶ Как известно из тех же изданий, Мухины там и живут. Перед революцией по этому адресу располагалось 1-е Реальное училище.

В 1932–1934 годах Мухиных в справочниках нет. В 1935 году Аркадий Андреевич вновь упомянут как преподаватель.⁴⁷ В 1936–1938 годах «Весь Ленинград», видимо, не выходил.

В томах за 1939–1940 годы сведения о жителях города отсутствуют. Указан адрес школы, где, как известно из воспоминаний учеников, Мухин в это время работает: это школа № 2 на Университетской набережной, д. 11.⁴⁸

Время преподавания Мухина в школе № 204, в конце 1930-х годов ставшей школой № 2, – это 1930-е годы или только вторая их половина. Мухин работал здесь учителем русского языка и литературы. Школа занимала восточное крыло здания филологического факультета Ленинградского университета⁴⁹ (Университетская набережная, д. 11) – таким образом, Мухин вернулся в свою альма-матер. Именно к этому периоду относятся воспоминания, о которых я упоминала. Увидев фотографию своего класса, в центре которой – Аркадий Андреевич Мухин, 95-летняя Е. А. Дацкевич воскликнула: «А вот наш Арканзончик, мы его за глаза так называли», а затем назвала имена и фамилии всех одноклассников.

Можно заметить, что после Царского Села все известные на сегодня места службы и проживания Мухина были на Васильевском острове. Последний адрес: 12-я линия Васильевского острова, д. 13.⁵⁰ Аркадий Андреевич и его жена Екатерина Максимовна умерли в Ленинграде в первую блокадную зиму, он – в январе 1942 года,⁵¹ похоронен на Смоленском кладбище, дата ее смерти неизвестна.

¹ Лукницкий П. Н. *Acumiana*. Встречи с Анной Ахматовой. В 2 т. Т. II. 1926–1927. Париж; М., 1997. С. 172. Запись от 31.05.1926.

² Мухин А. А. И. Ф. Анненский // Иннокентий Анненский глазами современников. СПб., 2011. С. 193–194. Впервые некролог был опубликован в журнале «Гермес». (1909. № 20 (46). 15 декабря).

³ Кривич В. И. (Анненский В. И.) Об Иннокентии Анненском. Страницы и строки воспоминаний сына // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 1981. Л., 1983. С. 87.

⁴ Мухин А. А. И. Ф. Анненский. С. 195.

⁵ Лукницкий П. Н. *Acumiana*. Встречи с Анной Ахматовой. Т. I. 1924–1925 гг. Paris, 1991. С. 272–273. Запись от 23 ноября 1925 г.

⁶ Кривич В. И. (Анненский В. И.) Об Иннокентии Анненском. Страницы и строки воспоминаний сына. С. 114. См. также: Там же. С. 110, 115.

⁷ Там же. С. 111.

⁸ Анненский И. Стихотворения и трагедии. Л., 1990. С. 207. (Библиотека поэта. Большая серия).

⁹ Анненский И. Ф. Письма. В 2 т. СПб., 2007. Т. 1. С. 368–369. В том же издании см. многочисленные письма, адресованные Е. М. Мухиной, а также подробную справку А. И. Червякова о Мухиных. (Там же. С. 358–363).

¹⁰ Метрическая книга Свято-Троицкой церкви, Пермская губерния, Осинский уезд, Юго-Кнауфская волость, Юго-Кнауфский завод, 1867 г.: «Запись о рождении: Мухин Аркадий Андреевич. Место происхождения: завод Юго-Кнауфский. Крестьянин. Дата рождения: 17. 12. 1867. Дата крещения: 26. 12. 1867. Отец Мухин Андрей Агафонович. Мать Мухина Елена Евфимиевна. (ГАПК, ф. 37, оп. 3, д. 52; информация взята с сайта «Поколения Пермского края». [Электронный ресурс]. URL: <http://rokolonia.permkrai.ru/records/view/1261478>). ГАПК – Государственный архив Приморского края, находится во Владивостоке. Юго-Кнауфский завод был большим заводским поселением, ныне село Калинино).

¹¹ ЦГИА СПб, ф. 53, оп. 1, д. 1885, л. 1–2. Императорский Санкт-Петербургский историко-филологический институт. Документ от 27 июня 1887 г.

¹² Там же, л. 4.

¹³ Там же, л. 5.

¹⁴ Подробно об Историко-филологическом институте см.: *Ендольцев Ю. А.* «Дворец Петра II» (Университетская набережная, 11). События и люди. СПб., 2002. С. 7–21.

¹⁵ ЦГИА СПб, ф. 53, оп. 1, д. 1885, л. 6.

¹⁶ Там же, л. 10–11 и л. 1.

¹⁷ Там же, л. 10. Прошение от 10 июня 1889 г. Полное название поселения – завод Мотовилихинский (см.: л. 9).

¹⁸ Там же, л. 18.

¹⁹ Там же, л. 26.

²⁰ Памятная книжка Императорского С.-Петербургского историко-филологического института и гимназии при оном. 1867–XXV–1892. СПб., 1892. С. 89: «Перечень трудов бывших студентов»: «Мухин А. А. 1. Приемник Белинского. Из истории русской критики (Исторический вестник. 1891. № 4). 2. Несколько рецензий на книги по истории русской литературы (Там же, тот же год)». Те же работы названы в «Памятной книжке Императорского С.-Петербургского историко-филологического института. 1867–1898» (СПб., 1898).

²¹ Масапов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. В 4 т. Т. 4. М., 1960. С. 327.

²² Памятная книжка Императорского С.-Петербургского историко-филологического института и гимназии при оном. 1867–XXV–1892. С. 56–57, в «Списке студентов, окончивших полный курс наук в 1871–1892 годах»: «XXI выпуск (1891 года) <...> Мухин Аркадий Андреевич». О нем в разделе «Откуда поступили в Институт»: «Пермск<ая> гимн<азия>»; «Куда назначены учителями и по какому предмету»: «В Царскосельскую гимназию по древним языкам»; «По сведениям 1892 года»: «Преподаватель Царскосельской гимназии».

²³ ЦГИА СПб, ф. 53, оп. 1, д. 1885, л. 16.

²⁴ Весь Петербург на 1896 год. С. 216.

²⁵ Весь Петербург на 1897 год. С. 274.

²⁶ Весь Петербург на 1899 год. С. 367.

²⁷ Корнилова Н. А., Моценикова М. А. Иннокентий Анненский в Царском Селе. СПб., 2015. С. 117–118.

²⁸ Сведения об Императорской Николаевской гимназии в Царском Селе. 1898–1899 учебный год. СПб., 1900. С. 39.

²⁹ Весь Петербург на 1903 год. С. 451.

³⁰ Весь Петербург на 1905 год. С. 440.

³¹ ЦГИА, ф. 276, оп. 1, д. 2750, л. 1. 1906 год. Дело об увольнении директора гимназии И. А. Смирнова и назначении на его должность преподавателя Николаевской Царскосельской гимназии А. А. Мухина.

³² Там же, л. 28.

³³ Взыскующие града: Хроника русской религиозно-философской и общественной жизни первой четверти XX века в письмах и дневниках современников. М., 1997. Цит. по: Анненский И. Ф. Письма. Т. II. С. 135.

³⁴ Перемышлев Евг. Слонимский Михаил Леонидович // Говорит Москва. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/moskva/encycl/s/slonimski.htm>

³⁵ Слонимский М. Записи, заметки, случаи // Звезда. 2010. № 8. С. 149.

³⁶ Весь Петербург на 1909 год. С. 540.

³⁷ Весь Петербург на 1912 год. С. 616.

³⁸ Весь Петербург на 1914 год. С. 45. Е. К. Мухина указана как жена действительного статского советника, а Мухин – как статский советник. Действительным статским советником он назван в справочнике следующего года (Весь Петербург на 1915 год. С. 451).

³⁹ Ларинская гимназия была передана в ведение Народного комиссариата просвещения на основании декрета Совета народных комиссаров от 5 июня 1918 г. «О пе-

редаче в ведение Народного комиссариата просвещения учебных и образовательных учреждений всех ведомств».

⁴⁰ См.: ЦГИА, ф. 276, оп. 1, д. 3111, л. 2–54. Отчет о состоянии гимназии за 1917 г.

⁴¹ Там же, л. 13, 15, 33.

⁴² В гимназии был свой оркестр.

⁴³ Весь Ленинград. Л., 1923. С. 347.

⁴⁴ Весь Ленинград. Л., 1924. С. 186; Весь Ленинград. Л., 1925. С. 273.

⁴⁵ Весь Ленинград. Л., 1926. С. 244; Весь Ленинград. Л., 1927. С. 305; Весь Ленинград. Л., 1928. С. 381; Весь Ленинград. Л., 1929. С. 417; Весь Ленинград. Л., 1930. С. 406; Весь Ленинград. Л., 1931. С. 322.

⁴⁶ Весь Ленинград. Л., 1927. С. 52.

⁴⁷ Весь Ленинград. Л., 1935. С. 280.

⁴⁸ Весь Ленинград. Л., 1939. С. 259; Весь Ленинград. Л., 1940. С. 325.

⁴⁹ *Ендольцев Ю. А.* Указ. соч. С. 26. Номер школы менялся, по-видимому, несколько раз. Судя по исследованию Ю. А. Ендольцева, первоначально после Октябрьской революции здесь размещалась трудовая школа II ступени; известно, что «Народный комиссариат просвещения РСФСР уже 31 мая 1918 г. ввел в школах страны обязательное совместное обучение мальчиков и девочек, просуществовавшее без изменения ровно четверть века – до лета 1943 г.» (*Пыжиков А. В.* Раздельное обучение в советской школе // Научная онлайн-библиотека «Порталус»). Несколько раз менялось и название факультета.

⁵⁰ Этот адрес был указан при передаче Мухиной значительной части писем Анненского к ней в ГЛМ 10 мая 1941 г. (*Анненский И. Ф.* Письма. Т. 1. С. 361).

⁵¹ Дата смерти Мухина – на основании сведений: Ленинград. Блокада. 1941–1944. В 35 т. СПб., 2005. Т. 21. С. 107: «Мухин Арк. Андр. 1869 г. р. М. прож.: В. О., 12-я линия, д. 13, кв. 7. Дата смерти: январь 1942. М. захор.: Смоленское кладб.». Названа неверная дата рождения, но дата смерти, по-видимому, указана правильно.